

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

«Это было при нас...»

К выходу Собрания сочинений Бориса Пастернака

В выходных данных значится: «Сдано в набор 04.12.90. Подписано к печати 16.08.91». На титульном листе набрано: «Москва, «Художественная литература», 1992». Но на самом деле книга отпечатана только что; и в знаменитом книжном магазине «Подписные издания» на Кузнецком мосту появилась в самом конце августа 1993 года. Пастернак Борис Леонидович. Собрание сочинений. Том 5-й, итоговый.

Фото Л. ГОРНУНГА. 1948 г.

ДОЛГО мы его ждали. Больше трех лет. Издательство «Художественная литература», медленно исчезая с книжного рынка, объясняло: нет денег. И подкрепляло объяснение улыбкой Чеширского кота. Что оно скажет теперь, когда каждый сможет прочесть на обороте титула, что издание профинансировано Федеральной целевой программой книгоиздания России? Чем утешит подписчиков, ибо тираж последнего тома **втрое** меньше тиража предыдущих томов? Как объяснит, каким образом темно-синий, на редкость изысканный цвет первых четырех томов уступил место размытому бледно-голубому?

Впрочем, в праздник уместнее благодарить тех, кто его устроил, чем порицать тех, кто его подпортил. Вот поименно составители и комментаторы пятитомника: Е. В. и Е. Б. Пастернаки, К. М. Поливанов, Е. М. Борисов. И, конечно, неизменный Д. С. Лихачев, без чьего — не столько даже наука, сколько политическое — «прикрытия» это собрание вряд ли было бы запущено в те двусмысленные годы горбачевской гласности, о которых теперь принято вспоминать со вздохом умиления: вот было слабое времечко, не то, что ныне... Труд, проделанный составителями, будет хвалить, будут и критиковать. Дело привычное, дело нормальное. Главное, что наконец подведена окончательная черта под многолетним приурочительным периодом.

Начало ему положил в 1965 году знаменитый синий том Большой серии «Библиотеки поэта» с предисловием А. Д. Снявского, а завершил знаменитый «пастернаковский» номер «Литературного обозрения» 1990 года. На этом пути были отступления (самый горький пример — компромиссное издание томик в Малой серии той же «Библиотеки», откуда была выключена даже та часть стихотворений Юрия Живаго, что уже была к началу 70-х годов легализована). На этом пути были влеты — двухтомник 1985 года, подготовка критического текста романа «Доктор Живаго» для «новомирской» публикации 1988-го. Пастернаковедческие штудии Б. М. Гаспарова, М. Окутюрье, О. Т. Раевской-Хьюз, Ж. де Пруайяр, Е. Б. и Е. В. Пастернаков, И. П. Смирнова и, конечно, Л. С. Флейшмана (список приходится обрывать) образовали целую главу в истории гуманитарной мысли 60—80-х годов... Текстологический парадокс этого периода заключался в том, что борьба шла не столько за сужение круга неизвестных текстов Пастернака, сколько за расширение круга текстов известных. Не столько за публикацию вариантов и выявление окончательных редакций, сколько за восстановление купюр и легализацию тех пастернаковских сочинений, что уже находились в неподцензурном читательском обороте. Самый факт появления на страницах алма-атинского «Простора» пьесы «Слепая красавица» был гораздо более значим, нежели то, что публикация осуществлялась по совершенно несправильной рукописи. Естественно, эпистолярное наследие составляло в этом ряду неизбежное исключение. Но и здесь — два самых значимых «массива» писем, тройственная переписка Пастернака, Цветаевой и Рыльке 1926 года и многолетний «роман в письмах» с Ольгой Михайловной Фрейденберг, после издания за рубежом предвставляя собою не поисковую, но цензурную проблему.

Собрание сочинений было запущено как раз вовремя — затянувшийся этап легализации подходил к концу, наставала пора сосредоточиться на собственно научных задачах. Сначала — текстологических, чтобы затем приступить и к серьезному комментированию. Кажется, и запоздалое завершение не пошло ему во вред. К 1993 году привычка составлять и утверждать списки, определять ранжиры если и не полностью утратилась, то значительно ослабла. В 1990-м еще много находилось охотников отвести Пастернаку вакансию расконвоированного Маяковского, посмертно огосударствив и тем умертвить гениального поэта, выставить его в блеске парадной демократической витрины. Своевременный выход собрания был бы удобным поводом высказать вполне несвоевременные мысли. На новом витке, будучи до неузнаваемости видоизменной, могла повториться ситуация 1930-х годов, когда после самоубийства Маяковского развернулась борьба за Пастернака, за его первен-

ство в литературной иерархии. Напоминать о деталях этой борьбы вряд ли необходимо — они внятно прописаны в книгах Л. С. Флейшмана и Е. Б. Пастернака; некоторые новые обстоятельства прослежены в недавней статье К. М. Поливанова (журнал «De Visu», № 4, 1993). Важно лишь то, что в тогдашней борьбе потерпели поражение не боровшиеся, а тот, за кого боролись. Переживший тяжелейший душевный кризис и замолчавший надолго, Пастернак вернулся к ранее выработанной им философии поэта как вечного свидетеля, верного соглядатая истории, живущего в ее страдательном залоге и имеющего право перейти в залог действительный только ценой личной жертвы. Сгустки этой философии содержатся практически во всех крупных пастернаковских сочинениях и порою выявляются самым неожиданным образом. Только один пример.

В поэме «Высокая болезнь» обыгран роль «попутчика», слово изъято из большевистского лексикона, возвращено в естественный стилистический ряд и применено к неизменной и единственно возможной судьбе русского интеллигента. Костяк поэмы создан в конце 1923-го; а в № 209 «Правды» за этот же год напечатана была статья Льва Троцкого, где (нелюбозный пастернаковскому сердцу по причине отъявленной пошлости) Лев Давидович предлагал осуществить новую литературную политику «благожелательного нейтралитета» (выражение Н. Чужана) в отношении и пролетарских поэтов, и попутчиков. Для первых это означало утрату безоговорочного покровительства партии; для вторых — некоторое приближение к «престолу». Пролетарские писатели оскорбились; от их имени на страницах «Правды» выступил «вредный мужик» Демьян Бедный со стихотворением «Обида»:

...пыл мой прежний явно вянет:
НА АГИТАТОРСКИЙ ЛУБОК
Меня, увя, уже не тянет.

Иронический парафраз выделенной мною строки в «Высокой болезни» очевиден: «Я долго помнил зубок / Кошунственную телеграмму: / Мы посылали жертвам драмы / В смягченые треска Фузиямы / Агитпрофесковский лубок». Презрительный в отношении к «пролетарцам» тот текст в такой «цитации» не подлежит сомнению: речь у Пастернака идет о страшном японском землетрясении, унесшем жизни сотен тысяч человек. Но читаем Бедного дальше:

Наш, пролетарский молодняк,
Снонфужен собственным обличьем.
Эло — символический Пильняк
Пред ним смердит гнилым величьем.

Нагляя, юрче с каждым днем
Орда попутчиков беспутных.
Меж тем охвачен уж огнем
Простор тревожный далей смутных.

Уже минуты сторожит
Взор пролетарский Немезиды.
И надо крикнуть: — срок изжит! —
Но голос сорванный дрожит
От незаслуженной обиды.

Тут уже случай более сложный. Метафора огня, охватившего «простор тревожный далей смутных», — значима не только для обиженного Бедного; она значима и для Пастернака.

А сзади, в зареве легенд,
Дурак, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу темной силы,
Что потихоньку по углам
Его с усмешкой поносила <...>
А сзади, в зареве легенд
Идеалист-интеллигент
Печатал и писал плакаты
Про радость своего заката.

Цитатные отсылки к ключевым строкам «Облака в штанах» («Мама! Ваш сын прекрасно болен! Мама! У него пожар сердца»), накладываясь на парафраз стиха Бедного, порождают резкий смысл. «Пролетарский молодняк» оказывается частью той «темной силы», во славу которой горит радующийся своему закату «дурак, герой, интеллигент». Тот, кто некогда причастен был и «высокой болезни» («прекрасно болен»), и охва-

чен был «пожаром сердца». Тот, кто отступился от жертвенной роли и из соглядатая перешел в стан соучастников. И здесь приходит пора ответить на жалостливое «срок изжит!». Да, изжит; изжит не «пролетарцами», а именно интеллигентами, — и слава Богу.

Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду.

Попутчик должен остаться попутчиком; это его привилегия — быть в «благожелательном нейтралитете» к власти, если она того оказывается достойна; и в неблагоприятном нейтралитете — если не достойна. Это его привилегия — смотреть из зрительного зала на театральную сцену, где вождь, «как выпад на рапире», гонится «за высказанным вслед». Сам попутчик со сцены — сошел и на сцену — не вернется. В ответном «благожелательном нейтралитете» власти он не нуждается. Так заявление об «отставке» с вакансии поэта отсылается сразу по двум адресам; так ведется спор и с Троцким, и с оппонировавшим ему Бедным.

...В «Людах и положениях» есть общеизвестный пассаж: «Были две знаменитых фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее и что Маяковский был и остался лучшим и талантливейшим поэтом эпохи. За вторую фразу я личным письмом благодарил автора этих слов, потому что они избавляли меня от раздумия моего значения, которому я стал подвергаться в середине тридцатых годов, к поре съезда писателей. Я люблю свою жизнь и доволен ей. Я не нуждаюсь в ее дополнительной позолоте». Не послать ли и нам подобное письмо по адресу руководителя издательства «Художественная литература», благодаря нерасторопности которого Пастернак был избавлен от посмертной канонизации? Но хватит иронии. Потому что вот, наконец — издание. Не из Праги, не из Берлина, не из Вашингтона. Из Москвы.

И странная вещь, непонятная вещь — к радости примешивается горечь. Долгожданное событие каким-то неведомым образом **изымает** великого поэта из состава быстротекущей жизни, вводит его в ряд **обыкновенных классиков** русской литературы. Как Пушкин. Как любимый им Лермонтов. Как Фет. Он более не заложник вечности у времени в плену, он теперь пребывает в самой вечности. Теперь предстоит прорастать к нему сквозь толщу времени (слава Богу, «толща» эта покуда столь тонка, что почти незаметна): То будет сладкий труд. Но то будет — труд.

Никуда не денешься. Наверное, люди послепушкинской эпохи так же воспринимали выход собрания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова. Счастье насладиться благодарностью, грусть.

Прощайте, Борис Леонидович!
Борис Леонидович, здравствуйте!